

Глава 4. Горькая доля великого демона-лиса

К подножию горы, где высились врата Школы Летящих Бессмертных, Янь Фу и его ученики добрались лишь к полуночи. Часть отряда осталась патрулировать окрестные городки, остальные же вернулись в обитель.

После недавней схватки глава Янь осознал горькую истину: сил простых смертных, пусть и вставших на путь самосовершенствования, не хватит, чтобы одолеть этого демона. А их лучшая надежда, старший ученик Бай Чжигэ, пребывал в беспамятстве вот уже шестые сутки. Пытаться убить тварь сейчас означало бы лишь одно — бросить жизни всех адептов в топку безнадежной войны.

Пока наверху готовили подъемный механизм, Янь Фу, снедаемый тревогой, с силой ударил кулаком в каменную стену. Грохот эхом разнёсся в тишине, заставив учеников испуганно замолчать.

Старший брат Шоу И снял цепи с Ху Цяньцю и передал их стоящему позади младшему адепту.

Лис потер затекшие запястья и, задрвав голову, уставился в темный зев бездонной шахты.

— И чего мы ждем? — любопытствовал он.

— Подъемника, — пояснил Шоу И. — Видишь ли, малютка, наш основатель выбрал это место не просто так. С трех сторон здесь отвесные скалы, и на вершину ведут всего два пути: либо по этой тайной шахте, либо по извилистой горной тропе.

Ху Цяньцю понимающе кивнул. В тот же миг сверху донесся скрежет цепей, и на землю тяжело опустилась кованая железная клеть, способная вместить добрую полусотню человек.

Лис не удержался от смешка.

— А я-то грешным делом думал, что вы, небожители, только и делаете, что летаете на мече — вжик, и наверху!

— Если бы... — вздохнул Шоу И. — Сказать по правде, из всей школы только старший брат Чжигэ и владеет этим искусством в совершенстве.

Эти слова попали точно в цель, задев главу Янь за живое. Учитель, чей лучший воспитанник лежал при смерти, и так был на взводе, а тут ещё какой-то бродяжка смеет над ним потешаться! Вне себя от ярости, он сорвал с ноги туфлю, явно намереваясь проучить наглеца увесистым ударом подошвы.

Ученики тут же повисли на руках наставника.

— Глава, не надо! Помилуйте!

Если в такой темени туфля потеряется, старшая сестра из обувной мастерской их всех живьем сожрет!

Ху Цяньцю забился в угол и тихо прыснул. Разве мог тысячелетний демон-лис затаить в душе злобу? Вовсе нет. Просто грех было не поддеть этого вспльчивого старика. Что же до адептов Школы Летящих Бессмертных, которые не умеют летать... Что ж, их основатель явно был из породы оборотней-броненосцев — уж очень ладные туннели он тут прокопал.

С резким лязгом механизмы замерли. Стоило дверям подъемника распахнуться, как в щель хлынул яркий свет.

Первым, что бросилось в глаза, было исполинское дерево, разменявшее не одно столетие. На его мощных ветвях висели бесчисленные фонарики, заливавшие сад мягким сиянием.

Ху Цяньцю поднял взор выше. Вдалеке, на разных уровнях, громоздились беседки и пагоды. В ночном свете они казались призрачными чертогами лунной девы Чанъэ, парящими в пустоте. Под фонарями то и дело мелькали тени — несмотря на полночь, жизнь в школе кипела. Ученики сновали между жилыми корпусами, неся охапки трав, свитки с трактатами и магические камни. Судя по всему, это были адепты из хозяйственного отдела.

В прошлой жизни Цяньцю старался держаться от заклинателей как можно дальше, и даже не подозревал, как устроены их внутренние дворы.

Шоу И уже вышел из клетки и поманил лиса за собой:

— Скорее, малютка! Не зли главу, иначе он точно выйдет из себя.

— И как же мне величать почтенного старшего брата? — спросил Ху Цяньцю, догоняя его.

Тот мельком показал нефритовый жетон на поясе.

— Мое имя Шоу И. Можешь звать меня просто — старший брат Шоу.

Цяньцю незаметно коснулся кончика носа, скрывая усмешку. Имена в этом мире становились всё страннее. Мало ему было «Сун Мина», чье имя сулило скорую кончину, так теперь еще и «Шоу И» — мастер по лечению зверей, не иначе.

— Послушай, брат Шоу, неужели ваш глава настолько мелочен? Я ведь всего лишь прижался к его коленям в порыве чувств, а он уже волочет меня на допрос.

Шоу И понизил голос, ведя его к залу для совещаний.

— Глава Янь хоть и скор на гнев, но сердце у него золотое. Он хочет принять тебя в школу. В последнее время нечисть совсем распоясалась, и мы потеряли многих братьев в походах.

Теперь у каждой школы было две заботы: истреблять демонов и тайно искать одаренных людей, чтобы восполнить бреши в рядах. Глава Янь отвечал за боевую мощь, поэтому в вылазках всегда участвовали именно его ученики.

— Но ведь я слаб телом, — засомневался лис. — Даже если я всем сердцем захочу поклониться ему как учителю, разве он примет такого доходягу?

— Умение предсказывать судьбу — тоже великий дар. Ты велел крестьянам уйти, спас жизни — это заслуга, которую нельзя игнорировать. Просто делай всё, что скажет глава, и не вздумай ему перечить.

Ху Цяньцю покорно кивнул.

Главный зал поражал воображением: позолоченная резьба на потолке переливалась в огне свечей, которые тянулись ровными рядами по белокаменному полу. На стене за тронном главы висело огромное полотно с изображением битвы с демонами. Судя по нелепости сцен, древние мастера явно приукрасили свои подвиги, чтобы пустить пыль в глаза потомкам.

«Надо же, — подумал лис, оглядываясь, — эти святоши живут в роскоши, которой позавидовал бы сам император».

Боковая дверь отворилась, и из-за ширмы вышли трое старейшин.

— Брат, зачем звать нас в такой час? Неужели случилось несчастье?

Янь Фу, уже занявший свое место, с силой хлопнул ладонью по столу.

— Я столкнулся с тем великим демоном. Мы ему не ровня. В этот раз никто из учеников не погиб, зато я нашел самородка. Он чувствует беду и владеет гаданием.

Глава сверху вниз указал на Ху Цяньцю, стоявшего подле Шоу И.

— Жаль только, кости у него хлипкие, боец из него никакой. Мне такой ни к чему. Решайте

сами, кто возьмет его к себе.

Женщина в алых одеждах с коралловыми губами лишь мельком взглянула на лиса — в её ведении были только девушки, так что она сразу потеряла интерес. Другой старейшина, в строгом черном облачении, и вовсе не шелохнулся. Лишь Лю Юнь медленно выкатил свое кресло вперед и остановился перед Ху Цяньцю. Он коснулся его запястья, проверяя пульс, и надолго нахмурился.

Наконец он нарушил тишину:

— Брат глава, сейчас не время привередничать. В моей аптеке как раз не хватает рук. Пусть идет ко мне.

— Да будет так, — кивнул Янь Фу. — Обучишь его, и пусть сопровождает отряды как лекарь.

Цяньцю в глубине души лишь фыркнул. Эти люди даже не поинтересовались его мнением, просто сплывали в аптекарский приказ. Наглость неопишная! Но делать было нечего — пришлось смириться.

Поскольку всё произошло внезапно, лиса на одну ночь пристроили в комнате Шоу И.

Старший брат, не скрывая радости, достал припрятанную половину жареного гуся. Теперь у него появился младший ученик, да еще и такой словоохотливый — с таким в походах точно не соскучишься.

Ху Цяньцю оторвал одну гусиную ножку, стараясь не выказывать своей истинной лисьей жадности.

— Скажи, брат, кто в вашей школе самый сильный?

— Разумеется, наш старший брат Бай Чжигэ! — с гордостью воскликнул Шоу И. — Если бы не этот странный недуг, он бы сегодня же пригвоздил ту тварь своим Мечом Сокровенного Грома.

При упоминании Сюаньлэя у лиса по спине пробежал холодок.

— И с чего бы ему болеть?

— Эх, кабы знать... — Шоу И помрачнел и вгрызся в гусятину. — Наставники молчат, а четвертый дядя — твой будущий учитель Лю Юнь — только руками разводит. Ладно, ложись-ка спать, завтра спозаранку мне вести тебя на поклон к мастеру.

— Что ж, полагаюсь на тебя, старший брат Шоу!

Ху Цяньцю растянулся на жесткой кушетке. Закрыв глаза, он невольно улыбнулся. Разве это не подарок судьбы? Лю Юнь берет его в ученики, а Бай Чжигэ как раз в это время прикован к постели. Значит, встречи не миновать. Предвкушение чужой беды грело душу лиса лучше всякого одеяла.

Первые лучи зари прорезали облака, и над горами поплыл низкий гул колокола, созывающего адептов.

Шоу И уже оделся и положил на край постели лиса свежий комплект одежды.

— Брат, просыпайся! Пора умыться и идти к четвертому дяде.

Цяньцю недовольно натянул одеяло на голову. Как истинный лис, он привык спать там, где застала усталость, и ровно до тех пор, пока не захочется потянуться. Жизнь по расписанию казалась ему пыткой, но стоило вспомнить о Бае, как сонливость мигом испарилась.

Он облачился в даосскую мантию, украшенную узором в виде серебристых молний, и заколол волосы деревянной шпилькой. Из зеркала на него глянул стройный, даже изящный юноша. «Неудивительно, что тот старик меня забраковал, — подумал он, — слишком уж я тонок в кости».

Лис перевел взгляд на заколку Шоу И, потом на свою. Сравнение было не в его пользу.

— Брат Шоу, почему у тебя шпилька такая красивая, да еще из нефрита?

— В нашей школе есть правило: старшинство определяется не временем вступления, а талантом. Чем выше твои успехи, тем богаче украшение. Если когда-нибудь заслужишь белую нефритовую заколку, мы станем равными по положению.

Ху Цяньцю повертел в руках кусок дерева. Ему, великому демону, разменявшему одиннадцатую сотню лет, предстояло ходить в низах? Неслыханно! У него в подчинении должны быть по меньшей мере пара-тройка учеников на побегушках!

— И какой же у меня сейчас ранг, брат?

Шоу И замялся.

— Ну... такие шпильки носят адепты, приставленные к хозяйственным работам. Проще говоря — чернорабочие.

Что?! Он даже не «конюх небесных чертогов»! Тот великий Сунь Укун хотя бы табунами правил, а Цяньцю суждено быть на посылках? Ненависть к Бай Чжигэ вспыхнула с новой силой. Возродиться, чтобы стать прислугой... Позор!

В дверь негромко постучали.

— Старший брат Шоу, мастер Лю Юнь спрашивает, готов ли его новый ученик.

— Идем, идем! — отозвался Шоу И.

Они долго петляли по коридорам, пока не достигли той самой башни. Ученики, как и ночью, сновали туда-сюда с озабоченными лицами.

Лю Юнь сидел в кресле-каталке посреди библиотеки. Его ноги укрывал легкий меховой плед, под глазами залегли глубокие тени. Вид у него был изможденный. Мастер держал в руках свиток, но он то и дело засыпал — казалось, он вот-вот провалится в глубокий сон от крайней усталости.

— Четвертый дядя, я привел младшего брата.

Лю Юнь поднял голову и едва заметно кивнул. Жестом он отослал остальных адептов, оставив Ху Цяньцю наедине с собой.

Аккуратно положив книгу на стол, он негромко произнес:

— Знаешь ли ты, почему я, не спрашивая твоего согласия, так настойчиво требовал твоего перевода в мою аптеку?

— Ученик глуп и просит учителя просветить его, — смиренно ответил лис.

Но следующие слова Лю Юня заставили Ху Цяньцю похолодеть. Несмотря на внешнюю немощь, взгляд этого человека был острее клинка. Старейшина видел куда больше, чем глава или другие мастера.